

Владимир Обручев

Золотоискатели в пустыне

ФТМ

Владимир Обручев
Золотоискатели в пустыне

«ФТМ»

1949

Обручев В. А.

Золотоискатели в пустыне / В. А. Обручев — «ФТМ», 1949

ISBN 978-5-4467-3087-2

Книга русского геолога, географа, писателя-фантаста Владимира Афанасьевича Обручева (1863–1956 гг.) была написана на основе материалов и наблюдений, сделанных во время его путешествия по Джунгарии (Восточный Туркестан), граничащей с нашей страной. В издании читатель найдет описание суровой жизни и работы искателей золота, китайских рудокопов, загнанных нуждою в пустыню, извлекавших крупинки золота в глубоких, примитивных, ничем не крепленных шахтах. Узнаем мы и о приключениях рудокопов в горах и долинах Джунгарии в начале гражданской войны в Китае (середина XIX века), вызванной восстанием народа дунган (мусульман).

ISBN 978-5-4467-3087-2

© Обручев В. А., 1949

© ФТМ, 1949

Содержание

Предисловие	5
В китайской шахте	6
Рудоносы	9
Золотоносная пустыня	13
ХЫЙ-ФЫН	15
Подземные духи	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Обручев

Золотоискатели в пустыне

Предисловие

Пятьдесят лет назад я изучал страну Джунгарию – часть Западного Китая, прилегающую с юго-востока к границам Восточного Казахстана. В этой местности соприкасаются горные системы Алтая и Тянь-шаня, и я должен был выяснить границу между ними, геологию и географию Джунгарии.

Я провел три лета в этой стране и пересек ее в разных направлениях; изучал горные цепи, широкие долины с оазисами по речкам и у источников воды и площадями настоящей пустыни, ровной или холмистой, местами похожей по своему рельефу на развалины большого города.

В одной из горных цепей я встретил в нескольких местах развалины селений с заброшенными шахтами, рудными отвалами и остатками промывальных устройств, которые показали, что в этих горах, теперь населенных только кочевниками, когда-то жили оседлые люди, добывая золото. Я осмотрел несколько таких поселков, выяснил условия жизни и работы в этой пустынной местности, где теперь бродят только антилопы, а в прежних шахтах обитают лисицы и волки.

Интересуясь историей Китая, я узнал, что в этой стране добывали золото в первой половине прошлого столетия и что добыча прекратилась в связи с гражданской войной, охватившей запад Китая 80–90 лет назад, когда были разрушены многие селения и города, а население истреблено или разбежалось.

Обрабатывая материалы и наблюдения своего путешествия по Джунгарии, я подумал, что было бы интересно описать жизнь и работу этих искателей золота, китайских рудокопов, загнанных нуждой в пустыню, извлекавших крупинки золота из твердых жил кварца в глубоких, примитивных, ничем не укрепленных шахтах, дробивших кварц в каменных чашах и промывавших его водой из тех же шахт. Эта же вода употреблялась и для питья, так как в большинстве поселков другой воды не было. Описание суровой жизни рудокопов хотелось дополнить рассказом об их приключениях в горах и долинах Джунгарии в начале гражданской войны (середина XIX века), вызванной восстанием дунган (китайских мусульман), что давало возможность более подробно познакомить читателя с природой страны.

Книжку такого содержания я написал 30 лет назад. Она была издана небольшим тиражом, почему и осталась мало известной. Между тем Джунгария – пограничная с нашим Союзом страна и ее природу нам необходимо знать.

Второе издание (Госгеолиздат) было дополнено пятью главами и исправлено. Настоящее, третье, издание печатается с небольшими исправлениями.

В. Обручев.

В китайской шахте

Около полудня Лю Пи вылез из своей шахты и после многочасового пребывания в подземной сырости и прохладе с наслаждением глубоко вдохнул знойный летний воздух. Он взглянул прищуренными глазами на солнце, сиявшее на безоблачном небе, потом посмотрел на цепь голых скалистых гор Катугу, заграждавшую вид на север, подобно гигантской пиле, обращенной зубьями вверх, еще раз взглянул на солнце, перевел взор на запад и, почмокав губами, пробормотал:

– Большой ветер будет к ночи, большой ветер, черная буря. Хорошо, если Ван Ли успеет доехать до заимок Чаапчи.

Лю Пи оглянулся на черную дыру шахты, из которой вылез и на дне которой проводил изо дня в день более половины суток. Из темноты послышался шорох и крихтенье – еще кто-то лез наверх.

– Торопись, Мафу, обед простынет! – крикнул Лю Пи с явной насмешкой в голосе и зашагал, слегка сгорбившись, к дверям низкой фанзы, находившейся в нескольких шагах от шахты.

– Лю Пи, приятель, не начинай есть без меня! – послышался умоляющий голос из глубины черной дыры. – Я не могу лазить так скоро, как ты, по этим проклятым лестницам. Подожди меня, слышишь?

Но Лю Пи не обратил никакого внимания на просьбы своего товарища и вошел в фанзу, низко согнувшись, чтобы не стукнуться головой о притолоку. В фанзе было довольно темно, так как она освещалась небольшим оконцем, не более четверти квадратного метра, затянутым выбежали на двор. В фанзе некоторое время опять слышались журчанье втягиваемой жидкости и вздохи.

Опорожнив по одной чашке, Лю Пи и Мафу развернули свои узкие и тонкие ватные матрасики на циновках теплого кана, положили в изголовье короткие валики, заменяющие китайцам подушки, и улеглись спать. Через несколько минут слышалось уже легкое посапывание Лю Пи, чередовавшееся с громким храпом Мафу.

Прошло около часу. Лю Пи проснулся, протяжно вздохнул и присел на своей циновке. Почесав спину, бока и грудь, он толкнул Мафу в бок и прервал его храп, затем слез с кана, вытащил из топки горячий еще чайник и, присев на корточки, налил себе чашку. Утолив первую жажду, он достал из-за пояса своей синей рубашки кисет и трубку с металлической чашечкой и халцедоновым мундштуком, набил табаку, выкопал из золы уголек и закурил. Дым табака и приторно-сладкий запах подмешанного к нему опиума распространились по фанзе и окончательно разбудили Мафу.

– Пора на работу, – сказал Лю Пи, выколачивая золу из трубки и снова наполняя ее свежим табаком. – Поторопись, толстый!

– Работа не блоха, из рук не выскочит, – ответил Мафу, сползая с кана. Он налил себе чашку чаю, набил свою трубку, более толстую и длинную, чем у Лю Пи, поднял с земли брошенный последним уголек и жадно стал курить, глубоко заглатывая дым.

– Как думаешь, кончим мы сегодня подсечку жилы? – спросил Лю Пи.

– Ни за что! – ответил Мафу. – Жила – чистый кремений стала; бьешь, бьешь, а толку мало. Придется нам бросить эту сторону!

– А где же мы будем работать? – сердито возразил Лю Пи. – Глубже не уйдешь – вода, наверху все взято уже. Только эта твердая сторона и осталась.

– Ну, этой твердой стороны нам надолго хватит, – усмехнулся Мафу, покончив с курением и принимаясь за чай. – Кирки изломаем, руки обломаем, будем зубами выгрызать руду. А зубы поломаем – тогда что?

Он быстро допил чашку, встал, потянулся так, что затрещали кости, и произнес лениво: – Пойдем, что ли!

Лю Пи поднялся, вытряхнул трубку, засунул ее и кисет за пояс и направился к двери. Мафу, выбрав из кучи в углу исправную кирку, последовал за ним. Они прошли через дворик к зиявшей в противоположном углу черной яме.

Лю Пи опять пристально посмотрел на запад, куда уже немного склонилось солнце, и на зубчатые вершины Кату.

– Непременно к ночи большой ветер будет, – прибавил он, качая головой. – Смотри-ка, солнце уже потускнело, а Кату затянуло словно дымом.

Шахта, в которую стали спускаться наши рудокопы, повергла бы горняка в ужас. Это был ров, тянувшийся вдоль всей стены дворика, противоположной фанзе, пятнадцать метров в длину и метр в ширину. Вглубь он уходил очень круто, под углом около 60°. Один из боков висел над пустотой, ничем не закрепленный и не поддерживаемый, вот-вот, казалось, готовый рухнуть. Отдельные глыбы камня – зелено-серого грубослоистого сланца – выдавались вперед, совсем нависая над бездной. В противоположном боку были высечены узкие ступеньки. Нужно было обладать ловкостью обезьяны или многолетней привычкой, чтобы подниматься и в особенности спускаться по этой крутой и опасной лестнице без перил, уходившей на глубину тридцати метров. А каково было подниматься с тяжелой корзиной руды за плечами!

«Шахта» эта представляла собой просто выработку вдоль золотоносной кварцевой жилы. Рудокопы начинали добывать оруденелый кварц с самой поверхности, оставляя на месте пустую, не содержащую золото породу обоих боков жилы, и постепенно уходили все глубже, пока подземная вода, для борьбы с которой у них не было ни средств, ни познаний, не ставила предела их погоне за золотом. Тогда «шахту» бросали и начинали рыть новую на другой жиле. Вынимали, впрочем, не весь кварц; местами жила становилась очень бедной, и эти части ее оставляли в виде перемычек, тянувшихся вдоль или поперек рва, от одного бока до другого, и служивших подпорками для нависшего бока, который иначе неминуемо обрушился бы, придавив первобытных рудокопов.

Мафу спускался первым, а Лю Пи следовал за ним на некотором расстоянии. До глубины двадцати метров они спускались при постепенно убывавшем дневном свете, проникавшем сверху. Но дальше становилось уже слишком темно. Они высекли огонь при помощи трута и огнива и засветили свои рудничные лампочки – небольшие глиняные сосуды, похожие на чайники, наполненные маслом. Фитиль из бумажной тряпки, вставленный в носик сосуда, давал слабый свет. Посредством короткой цепочки и крючка лампочка подвешивалась к поясу, оставляя свободными руки.

Еще десять метров вниз – и рудокопы добрались до дна шахты и повернули влево. Теперь золотоносная жила была у них под ногами. Они бесцеремонно топтали драгоценный кварц, уходивший еще глубже, но для них недоступный, потому что на этом уровне работе уже мешала вода, капавшая также с нависшего бока и стоявшая лужами в углублениях дна.

Шагов через тридцать Мафу и Лю Пи подошли к месту своей работы, где остался еще участок жилы выше уровня подземной воды. Кварц залегал грязнобелой ветвистой полосой почти в метр ширины, переслаиваясь с твердым сланцем и пуская отростки в висячий и лежащий бока жилы, состоявшие из того же сланца. Мафу остался на дне шахты, а Лю Пи полез по жиле метра на два вверх, где был его уступ. Рудокопы подвесили лампочки к выступам камня и принялись за свою трудную работу. Киркой они выковыривали кварц кусочек за кусочком, а если кирка не брала – загоняли ударами молота железные клинья в тонкие трещины жилы или окаймлявших ее сланцев. Но здесь кварц был очень твердый и мало трещиноватый; кроме того, отсутствовала каемка охристой глины, отделявшая в других местах кварц от боковых сланцев и облегчавшая работу, так как глина легко выковыривалась киркой, а в оставшееся пустое пространство удобно было вставлять клинья и отделять ими более крупные куски породы.

Добытый кварц сыпался на циновку, разостланную у подножья забоя, откуда его время от времени сгребали мальчики, спускавшиеся в шахту с корзинами на спине, в которых и выносили наверх золотоносную руду. Так как по крутому и длинному подъему с его первобытными ступеньками они не могли унести более 15–20 килограммов за один прием, то им приходилось спускаться и подыматься раз двадцать-тридцать в день. Мальчики настолько хорошо изучили дорогу, что обходились без освещения даже на дне шахты; они знали, где нужно нагнуться, чтобы не задеть головой о камень, где свернуть, чтобы обойти яму с водой.

Рудоносы

Прошло более часа с тех пор, как рудокопы вернулись в шахту. Все это время они неустанно долбили жилу кирками. Лю Пи колотил методически, короткими и резкими ударами. Мафу бил с размаху, изо всех сил, и чаще прибегал к клинью и тяжелому молоту, который весело плясал в его руках, звонко ударяя по железу. Разогревшись, оба рудокопа сбросили рубашки из синей дабы и остались в одних шароварах. Их смуглые торсы блестели от пота, косички¹ были обернуты вокруг головы и спрятаны под войлочные шапочки, покрытые таким толстым слоем пыли и копоти, что по цвету не отличались от темного сланца.

– Ну и жила, будь она проклята! – воскликнул Мафу, бившийся уже минут десять над одним особенно твердым местом. – И, наверно, золота мало, ни крошки охры нет!

– Что ж, отдохнем, покурим, – отозвался Лю Пи, который был арендатором шахты, недавно взял Мафу себе в компаньоны и потому распоряжался работой.

Он спустился со своего уступа и присел на корточки возле кучки кварца, набитого его товарищем.

При тусклом свете лампочки Лю Пи стал перебирать куски белой породы; иные отбрасывал сразу, другие внимательно разглядывал.

– Напрасно бранишь жилу, золото мало-мало есть, – сказал он, окончив осмотр и принимаясь за свою трубку. Мафу уже курил, прислонившись к забою.

– Мало-мало – это мало, – ответил он. – Пожалуй, на еду и на инструмент не заработаешь.

– Не надо бранить жилу, – шепотом произнес Лю Пи, словно жила могла подслушать разговор. – Не знаешь разве: будешь хаять – золото совсем скроется. Подземные демоны не любят, когда люди недовольны их сокровищами. Или золота не станет, или с тобой что-нибудь приключится – камень на голову свалится, ногу сломаешь. Мы здесь в их полной власти.

– А ты видел когда-нибудь подземного демона? – спросил Мафу, недавно сделавшийся рудокопом и относившийся скептически к их суевериям. Раньше он был погонщиком в обозе, потом табунщиком при китайской кавалерии². Свое настоящее имя он скрывал, так как ему пришлось бежать из Китая после нечаянного убийства во время драки.

Лю Пи беспокойно оглянулся вправо и влево.

– В фанзе расскажу, что видел, а здесь нельзя, нехорошо будет, – прошептал он. – Близко был, слышал нас, – прибавил он немного спустя.

Наступило молчание; слышно было только слабое потрескивание лампочки, висевшей на неровной каменной стене, и шипенье табака в трубках. На глубину тридцати метров с поверхности не доносилось никаких звуков; там могла неистовствовать буря, греметь гром, лить дождь – здесь царила мертвая тишина подземного царства, изредка нарушаемая стуком от падения сорвавшегося камня на дно шахты или всплеском, если он угодил в воду.

Но вот послышался легкий шум и глухо звучащие голоса, постепенно приближавшиеся.

– Мальчики идут, – сказал Лю Пи. – У нас, пожалуй, и на две корзины не наберется руды.

Он взглянул на кучку кварца, набитого Мафу, и прикинул, что у него на уступе едва ли будет больше.

– Хватит! – буркнул Мафу и, приподнявшись, вырвал из жилы большой кусок подбитого уже кварца, который и бросил на свою кучу.

Шаги слышны были уже близко, и из темноты вынырнули фигуры мальчиков с корзинами на спине. Подойдя к рудокопам, они присели на корточки рядом с Лю Пи. Пламя лампочки отразилось светлыми точками в их темных, косо прорезанных глазах, устремленных на огонь.

¹ В Китае прежде мужчины носили косы.

² Мафу – конох, погонщик.

– Где, щенята, пропадали так долго? – ласково спросил Лю Пи.

– Бегали в горы, собирали дрова и аргал³, – ответил младший, по имени Пао, племянник Лю Пи.

– И видели хуан-янгов⁴, – прибавил второй, Хун, подскакивая от волнения, – пять больших и двух маленьких.

– Мы хотели поймать хоть одного. Совсем уж близко были, – затараторил Пао, – да они нас почуяли и умчались, как ветер.

– А вы не знаете, как поймать хуан-янга, не имея, ружья? – сказал Лю Пи с лукавой усмешкой.

– Арканом разве за рога или из самострела подстрелить? – предложил Хун.

– Не нужно ни аркана, ни самострела, а только горсть соли насыпать хуан-янгу на хвост – и ты его поймаешь непременно! – серьезно заметил Лю Пи.

– На хвост?! – воскликнул Хун, разевая рот от удивления. – Да как же так? Он убежит раньше, не подпустит.

– И хвост у него очень маленький, – прибавил Пао в недоумении.

Лю Пи и Мафу расхохотались. Мальчики сообразили, что над ними шутят, и сами рассмеялись.

– Не время разговаривать, – вдруг оборвал Лю Пи. – Работа не ждет. Нагружайтесь и полезайте наверх, а когда вернетесь – принесите мне другую кайлу, моя иступилась.

Хун опустился на колени возле кучи кварца, повернувшись к Мафу спиной, а тот взял лопату и стал насыпать руду в корзину. Когда она почти наполнилась, он помог Хуну встать, и мальчик, согнувшись, зашагал в глубь темной шахты, к лестнице. Как и рудокопы, он был без рубашки, в одних бязевых панталонах. Но у старших шаровары доходили до щиколотки, и ноги были обуты в широкие носки и туфли с толстой подошвой, а у мальчиков панталоны были только по колено, и ноги оставались голыми. Впрочем, их ступни давно уже огрубели и не боялись острых камней, а подниматься и спускаться по ступенькам шахты было гораздо удобнее босиком, чем в обуви.

Вскоре с уступа осторожно спустился и Пао с наполненной корзиной и прошел мимо Мафу. Рудокоп спросил:

– А что, буря уже началась?

– Нет еще, – ответил Пао. – Верно, будет к ночи, солнце стало совсем красное и душно.

На дне шахты опять раздался однообразный стук стали по кварцу, иногда прерываемый вздохами Лю Пи и сердитыми восклицаниями Мафу. Мальчики пробирались к началу подъема, куда еле-еле проникал слабый дневной свет. Но после полной темноты на дне шахты и этого сумеречного света было достаточно, чтобы различать ступеньки. Мальчики поднимались медленно со своей тяжелой ношей, нагнувшись вперед, и в трудных местах, где ступеньки были слишком узки или далеко отстояли одна от другой, ползли на четвереньках, хватаясь за выступы камня. Они знали, что поскользнуться означало верную гибель, потому что удержаться с полной корзиной на крутом скате невозможно, и пришлось бы катиться до самого дна. На спуске, с пустыми корзинами, они были менее осторожны, и обоим уже пришлось испытать на своих боках жесткость выступов сланца, пока они не изучили все скользкие и ненадежные места.

Чем выше, тем становилось светлее и теплее, а когда мальчики выбрались наверх, им показалось, что они попали в жарко натопленную печь. Солнце, совершенно красное и без лучей, зловеще светило на посеревшем небе. Вершины Катуня еле виднелись сквозь завесу мглы.

³ Аргал – сухой помет диких и домашних животных, служащий основным топливом в Монголии и Джунгарии.

⁴ Хуан-янг – «желтая коза»; так называют китайцы антилоп, которые водятся в изобилии в степях Центральной Азии; дзерен – по-монгольски.

Воздух был неподвижен и удушлив. Накалявшиеся с утра голые скалы Кату, щебнистые склоны ближайших холмов и каменистая почва долины отдавали свой жар воздуху, и даже в тени не было прохлады.

Мальчики подошли к большой куче кварца, высившейся у двери фанзы, опорожнили свои корзины и присели отдохнуть. Их смуглые тела блестели от пота, струйками стекавшего вниз и смывавшего сланцевую пыль.

– Мы почти все вынесли, что было. Доставай трубку и табак, – распорядился Пао, растянувшись на земле.

Хун проворно вскочил, подошел к глинобитной стенке двора и извлек из трещины запрятанную туда коротенькую трубочку без мундштука и тряпочку с табаком. Мальчики давно уже украдкой от старших покуривали. У них в углу двора, под кучкой камня, был устроен курительный прибор в виде маленького вулкана из глины. Курильщик клал в кратер щепотку табаку и уголек, ложился плашмя на землю и тянул дым через боковой канал холмика, сообщавшийся с жерлом. Но глина высыхала и трескалась, и прибор требовал ремонта чуть ли не каждый день. Иногда мальчикам удавалось воспользоваться трубкой Лю Пи или Мафу во время их послеобеденного сна. – Но это было связано с большим риском. Они были очень счастливы, когда нашли на дороге старую трубку.

Мальчики тщательно прятали свое сокровище и гордились им. Табак они ухитрялись таскать понемногу у старших, иногда же покупали в лавочке, если им удавалось найти крупинку золота в каком-нибудь куске кварца. Такие крупинки были в ходу среди золотоискателей, и лавочники имели особые миниатюрные весы для их взвешивания.

Хун принес трубку и табак, а затем сбегал в фанзу и выкопал из золы под каном горячий уголек. Мальчики легли рядком и поочередно затягивались из трубки, с важным видом обсуждая качества разных сортов табака и достоинства трубок.

– Когда я буду взрослым, – мечтал Пао, – я заведу себе предлинную трубку, как у сычуанца лое⁵, но только мундштук будет у нее из камня, белого, как свиное сало⁶, а чашечка из чистого золота.

– Такая трубка очень тяжела и неудобна, – заметил Хун. – Куда ты спрячешь ее? Ни в чулок, ни в кисет ее не засунешь.

– Нет, я буду богатым человеком, – фантазировал Пао. – Мне не придется работать самому, у меня будут шахты с золотом. Я буду сидеть на кане, курить золотую трубку, есть жареное мясо и рис и пить цветочный чай.

– А я, – мечтал Хун, – куплю себе ружье и стану охотником. Буду стрелять хуан-янгов, диких лошадей и верблюдов, даже тигров.

– А ты видел когда-нибудь живого тигра?

– Нет, живого не видел. Но когда жил с отцом в Ши-Хо, калмыки привезли в ямынь⁷ мертвого тигра, которого убили в камышах на Куйтине. Ах, какой это красивый и страшный зверь: весь желтый, с черными полосами, а зубы и когти огромные, вот такие! – Хун показал свой большой палец. – Прежде чем тигра закололи, он растерзал двух лошадей и калмыка.

– О-о! – протянул Пао. – Какой злой! Что же с ним сделали в ямыне?

– Начальник взял шкуру себе, а мясо отдал солдатам. Знаешь, чтобы быть храбрым, нужно поесть мяса тигра. Все солдаты в Ши-Хо тогда поели этого мяса. И мне дали кусочек. С тех пор я и хочу стать охотником.

– Нужно бы и мне съесть кусочек тигрового мяса. Только вот сюда никогда не привозят тигров.

⁵ Лое – по-китайски господин.

⁶ Нефрит – очень твердый камень, употребляемый в Китае для разных изделий.

⁷ Ямынь – канцелярия китайского правительственного учреждения.

Выкурив две трубки, мальчики спрятали свои сокровища и пошли в шахту, захватив кувшин для воды и кирку для Лю Пи. Вблизи поселка не было ни речки, ни ключей, и рудокопы пользовались водой из своих шахт.

Золотоносная пустыня

На многие тысячи, километров, от синих волн Тихого океана до сурового высокого Памира, «крыши мира», протянулась русско-китайская граница. Зубчатой стеной, воздвигнутой подземными силами, тянутся вдоль нее, сменяя друг друга, высокие горные цепи: Малый Хинган, Ильхури-Алинь, Кентей (Хэнтэй), Хангай, Саян, Русский и Монгольский Алтай, Саур, Тарбагатай, Барлык, многочисленные гряды Тянь-шаня, Алая и Памира.

Сама природа создала эту величайшую стену, в сравнении с которой Великая стена, отделявшая Китай от степей и пустынь, населенных подвластными ему кочевниками, является детской игрушкой. Эта стена отгородила обширную Поднебесную империю⁸ от остальной Азии и охраняла ее до недавнего времени от влияния западной культуры. Она не только высока, но и очень широка и трудно проходима.

Но есть в этой ограде китайских владений настоящие природные ворота. Они находятся там, где русско-китайская граница переламывается, идет на юг и высокие цепи Алтая уступают место еще более высоким цепям Тянь-шаня. В этом месте сравнительно небольшие горы отделены друг от друга широкими долинами, по которым не только проходят караваны, но могли бы пройти железные дороги. Через эти ворота в средние века кочевые народы Монголии, поднятые Чингиз-ханом, хлынули разрушительным потоком на запад Азии и восток Европы.

Один из горных хребтов среди этих ворот называется на западе Майли, на востоке Джаир. Майли-Джаир состоит из нескольких уступов неодинаковой высоты и различного характера.

В восточной половине Джаира особенно бесплоден средний, самый низкий уступ; горы превращаются здесь в низкие холмы, усыпанные щебнем, совершенно черным от покрывающего его «загара пустыни».

Здесь нет ни воды, ни жизни, даже ящерицу или жука увидишь редко, и только антилопы прячутся в лабиринте холмов, довольствуясь их скудной растительностью. С утра до вечера солнце жжет щебневые склоны, накаляя черные камни, и на свободе гуляет знойный ветер. Но зато пустынный восточный Джаир богат золотом, которое люди добывали еще во времена независимых ханов Джунгарии (до начала XIX века). Китайцы продолжали разработку. Золотой промысел на этой далекой окраине был свободен; каждый мог им заниматься, отдавая только часть добытого золота в китайскую казну.

Постепенно дикий Джаир оживился; вместо двух-трех рудников, работавших при ханах, возникли десятки их в разных местах. Золотоискатели построили целые поселки возле рудников, в соседних долинах рек Эмиля (Эмеля), Манаса и Хобука возникли фермы китайских земледельцев, которые снабжали рудокопов хлебом. Золоте оживило эту страну, в которой раньше жили только кочевники – казахи и монголы-калмыки. В Джаире есть и россыпное и рудное золото; но золотоносные пески, добытые в россыпи, нужно промывать, чтобы отделить песок и гальку от драгоценного металла, а вода встречается редко. Поэтому разработка россыпей развивалась слабо, и главное свое внимание золотоискатели обратили на жилы.

Каждому давалось право разрабатывать 30–35 метров золотоносной жилы по ее длине, а в глубину – сколько пожелает. Получив участок, золотоискатель огораживал его глинобитным забором, строил на нем из камня и глины фанзу для жилья и тут же во дворе начинал разрабатывать жилу, уходя по ней постепенно все глубже и глубже, пока подземная вода не оставливалась его работы в глубине и пока он не встречался со своими соседями справа и слева. Тогда ему приходилось брать новый «отвод» на той же жиле в другом месте по ее длине, или на соседней, или даже в другой местности.

⁸ Китай стал буржуазной республикой только в 1911 г.

Так постепенно выросли поселки золотоискателей отдельными рядами по жилам Джаира, продольными и поперечными, то гуще, то реже. В этих рядах на одних участках кипела работа, на других уже замирала, а были и такие, где она прекратилась, где ограды и фанзы полуразрушились.

Не все жили и не на всем протяжении богаты золотом. Тот, кому улыбалось счастье, уходил из Джаира с некоторым состоянием. Другие зарабатывали только на пропитание и уносили разве небольшие излишки. Третьи голодали и, пробившись некоторое время на своем отводе в надежде на лучшее, наконец, бросали его и брали новый отвод.

Добытый из жилы золотоносный кварц для извлечения рассеянного в нем мелкими крупинками золота приходилось дробить, молоть в мелкий порошок и промывать. Необходимые для этого приспособления были не по средствам отдельному золотоискателю, да ими и не стоило обзаводиться, так как всю руду, добытую за неделю, можно было перемолоть и промыть в полдня.

Поэтому в каждом поселке работали казенные мельницы, на которых руда перемалывалась тяжелыми жерновами и затем промывалась. Рудокopf доставлял на мельницу свою добычу в назначенный день и час. Руда при нем мололась, а заведывавший мельницей китайский чиновник из полученного золота тут же брал натурой известную долю в пользу казны за перемол и в счет платы за отвод, причем неизбежно обсчитывал простоватых рудокопов. Место надзирателя на руднике считалось очень выгодным и покупалось, как и другие должности в Китае, за хорошие деньги и на короткий срок.

В таком поселке, одном из трех, расположенных в долине Чий Чу, у подножия гор Кату жили наши знакомцы – Лю Пи со своим компаньоном Мафу и мальчиками-рудоносами Хуном и Пао. Поселок тянулся тремя рядами дворилов по трем несколько расходящимся жилам больше чем на 600 метров наискось через долину, всхолмленную плоскими пригорками.

Рудокопы скота не держали: его нечем было кормить в этой пустыне с совершенно голой почвой, на которой лишь кое-где торчали кустики. Для ослов, вертевших жернова на казенной мельнице, фураж привозили издалека.

Не было в поселке ни женщин, ни маленьких детей. Рудокопы в большинстве своем являлись голытьбой, пришедшей издалека. Их привлекали слухи о богатом золоте Джаира. У многих и на родине не было семьи. Другие же приходили сюда на известное время года из более близких мест, расположенных у подножия Тянь-шаня, – из округов Шихо, Манас, Урумчи, Гучен (Гучэн) – в поисках дополнительного заработка; их семьи оставались дома на родном поле, у могил предков.

Лю Пи был родом из густо населенной провинции Хенань в низовьях Желтой реки. Его отец переселился на далекий запад, на границу государства и получил землю в новом поселке по реке Манас. Многомесячное путешествие внушило мальчику любовь к передвижениям и новым впечатлениям. Подросши, он нанялся в ямщики, так как старшие братья его сами управлялись с обработкой полей. Побродив по свету, он женился, но не жил подолгу с семьями братьев, а уходил на многие месяцы на заработки в разные места.

Попав в Джаир, Лю Пи пристрастился к погоне за золотом и стал приходить сюда каждый год в надежде разбогатеть и под старость открыть лавку или постоялый двор в Чугучаке или Кульдже. Однообразная жизнь землепашца ему претила; он привык за годы скитаний постоянно встречать новых людей. Пограничные с русскими владениями города, куда приходили караваны с Востока и Запада, казались ему наиболее подходящим местом для оседлой жизни на старости лет. В последний приезд в Джаир он взял с собою племянника Пао в рудоносы, так как его собственные сыновья были еще слишком малы для этой работы. Селения на Манасе начинались всего в сорока километрах от южного подножия Джаира и в девяноста от рудника Чий Чу, так что Лю Пи работал недалеко от своего дома.

ХЫЙ-ФЫН

Солнце уже закатилось за плоские вершины высокого Джаира, когда Лю Пи и Мафу вылезли из шахты, закончив свой трудовой день. Впрочем, сумерки на этот раз наступили раньше заката, потому что солнце скрылось за вершинами гор в серую пелену, висевшую над горизонтом.

– Эге, уже совсем темно! А я думал, что мы увидим еще последний луч солнца на вершинах Кату... – сказал Мафу и чуть не растянулся на дворике во всю длину. Он полагал, что ему осталось еще подниматься несколько ступеней, и высоко поднял ногу.

– Фу ты, косолапый! – воскликнул Лю Пи, получивший тумака от пошатнувшегося товарища. – Уж больно ты спешишь! Видно, боишься остаться без ужина.

Мафу любил больше всего поесть и всегда боялся, что ему мало оставят, если он не поспеет во-время к обеду или ужину.

– А что сегодня на ужин? – спросил он, помогая Лю Пи подбирать упавшую от толчка руду, которая еле белела на дворике при наступившей раньше времени темноте.

– На ужин? Мой рассказ о подземных демонах.

– Этим сыт не будешь после работы в шахте! Если мальчики ничего вкусного не приготовили, я не стану слушать, а завалюсь спать, и даже твои демоны мне не помешают всхрапнуть.

– Ш-ш! – испуганно зашипел Лю Пи. – Слушай, демоны воздуха уже завывли!

Накаленный воздух темной ночи был странно неподвижен, когда рудокопы вылезли из шахты; серая мгла, надвигавшаяся с запада, уже окутала небо и скрыла звезды. Зловещая тишина царила вокруг. Но, прекратив беседу, рудокопы ясно расслышали глухой шум, шедший с запада, и резкий свист и вой, доносившиеся из ущелий Кату.

– Идем в фанзу, сейчас и у нас начнется бесовское веселье! – вскрикнул Лю Пи, подхватывая холстину с рудой.

Резкий порыв ветра пронесся над поселком, и устья многочисленных шахт приветствовали его глухим вздохом. Что-то зашуршало поблизости. Из другого конца поселка донесся хриплый и протяжный крик осла, закончившийся фырканием, звучавшим как насмешка, и опять все стихло. Рудокопы направились к фанзе, бумажное окно которой еле светило в темноте.

– Готов ли ужин? Что сварили? – спросил Мафу, едва ввалившись в дверь.

– Не совсем готов. Огонь плохо горит сегодня, – ответил голос Хуна, скорчившегося около топки.

На кане в осколке разбитой чашки горел в масле фитиль. Пао вытирал посуду, тряпкой, которая при этом скудном освещении казалась совершенно черной.

– У-у, нахалы! За хуан-янгами опять бегали, оттого и огонь не горит, – проворчал Мафу.

Лю Пи положил в угол холстину с рудой; под вечер ему удалось наткнуться на место в жиле с видимым золотом, и он осторожно выковырял из него весь кварц и принес с собой, чтобы утром, при дневном свете, измельчить его в ступке, промыть в чашке с водой и таким способом утаить полученное золото от надзирателя, присвоив себе и казенную долю. Так поступали все рудокопы, когда им попадалось видимое золото – надзиратель обвешивал их в свою пользу, они отыгрывались иным способом, и в результате страдала китайская казна. Но предупредить утайку не было никакой возможности; нельзя же было приставить к каждому рудокопу надзирателя.

Сложив мешок, Лю Пи подошел к топке кана, присел на корточки, достал трубку и табак и, закуривая от огня, пылавшего под kloкотавшим котлом, спросил:

– Что ты настряпал, Хун?

– Гуамянь⁹ с салом. Сейчас поспеет.

– Гуамянь с салом! Ай, ай, как хорошо! – воскликнул Мафу, присаживаясь на корточки возле Лю Пи и собираясь закурить.

В это время вся фанза затряслась, словно от подземного удара; по камышовой крыше, сверху покрытой слоем глины, застучали мелкие камни; из топки выбросило язык пламени; бумажное окно вздулось пузырем, угрожая лопнуть; утлая дверь широко распахнулась, и в нее глянула черная ночь и ворвались свист, гул и вой налетевшей бури вместе с – тучей песку и пыли. Хун проворно, как кошка, метнулся к двери, запер ее и подпер изнутри киркой. Лю Пи взял из угла две кирки и поставил их накрест в окно, чтобы прижать бумагу.

– Еще лопнет. Засыплет нас пылью, – проворчал он, возвращаясь к кану и тревожно поглядывая на крышу: буря могла легко снести ее.

Пламя под котлом замирало, и дым проникал в фанзу – буря не давала ему выходить из низкой трубы на крыше.

Хун старался раздуть огонь под котлом, но горело плохо и дымило.

– Брось, мальчик, – недовольно проворчал Мафу, глотнувший горького полынного дыма. – Гореть все равно не будет, а глаза ест.

Мальчики вытащили из топки полусгоревший хворост, который Мафу затоптал своими медвежьими лапами, потом поставили котел, подали посуду и стали есть не совсем уварившуюся гуамянь, похожую на полупрозрачных тонких червей, плававших в горячей воде вместе с кусочками поджаренного бараньего сала. За неимением ложек гуамянь вылавливали губами и запивали ее солевой водой.

Буря продолжала свирепствовать. Порывы ее налетали один за другим, потрясая фанзу и осыпая крышу градом мелких камешков; потрескивание колебавшейся в окне бумаги сливалось с гулом ветра, сквозь который слышались словно тяжелые вздохи, стоны, порой пронзительный свист и как бы протяжный вой волков.

– Пожалуй, и впрямь волки подошли к поселку? – предположил Мафу в промежутке между двумя чашками.

– В такую бурю никакой зверь не выйдет из норы, – ответил Лю Пи, обсасывая губы.

– Не говори! Когда я пас казенный табун в песках под Гученом, в бурные ночи волки часто (подходили совсем близко, пользуясь шумом и тем, что собаки прятались, носы у них песком засыпало и чутье ослабевало. Приходилось самим за собак быть.

– А разве здесь есть волки? – поинтересовался Пао.

– Как не быть! Где хуан-янг, там и волк! – сказал Лю Пи.

– Как бы не съели сегодня ишачка с мельницы надзирателя, – заметил Мафу. – Он что-то раскричался перед бурей.

– Если съедят, завтра нам не придется молотить нашу руду, – сказал Пао.

Покончили с ужином, убрали котел, заменив его чайником. Вечером и мальчики участвовали в чаепитии, проворно вылизав свои чашки после солевой воды. Старшие закурили, младшие поглядывали на них с завистью.

⁹ Гуамянь – гороховая вермишель.

Подземные духи

Лю Пи выколотил горячий пепел на ладонь, положил новую порцию табаку, раскурил тем же пеплом и, выпустив клуб дыма, начал почти шепотом обещанный рассказ о демонах.

– Случилось это в Дагуне лет восемь назад. Это рудокопный поселок к востоку от нас, в конце Джаира. Там богатое золото, но воды на тридцать ли¹⁰ кругом нет. Дикое место – скалы, щебень, даже полыни мало, так что с топливом худо. И жилы своенравные, как женщины. То вильнет вправо, то влево, то раздвоится; пойдешь по одной ветви – становится все тоньше и пропадет; вернешься на другую – то же самое. Ну, думаешь, пропала твоя шахта. Но вот, где-нибудь сбоку, если поискать зорко, найдется прожилок с хорошим золотом. Доверишься ему – и он вознаградит, раздуется опять в настоящую жилу. Но работа там трудная, не то, что у нас.

– Ну, и здесь не сладко, – проворчал Мафу.

– Нет, здесь жилы правильные и золото хорошее, нечего роптать на судьбу, – продолжал Лю Пи. – Так вот, имел я в Дагуне отвод в компании с одним рудокопом из Хами. Звали его Фу Пян. Он был длинный и тощий, сгорбленный, как кочерга, но хороший работник, и золото в жиле умел находить отлично. «Оно, – говаривал он, – свой запах имеет, я его чувствую».

Ну, так вот, однажды мы с ним ковыряли кварц в нашей шахте, недалеко друг от друга, искали жилу по боковым веточкам, потому что главная потерялась. В глубину нельзя было уже идти – под ногами вода, шахта старая, три раза перед нами ее уже бросали. Оставалось еще недоработанных пять размахов¹¹ по длине в одном боку и два размаха в вышину. А нам досадно. Ну, ковыряли, ковыряли – все напрасно, нет золота.

Вот Фу Пян и рассердился. Бросил кирку прочь и крикнул: «Чтоб дракон проглотил тебя, проклятая жила». Совсем забыл он в гневе, что в шахте нельзя так говорить. И чуть он сказал эти нехорошие слова, как над ним загремело, зашумело, и большой камень, больше нашего котла, прямо ему на ногу скатился.

Лю Пи замолк. Помолчали слушатели, потом Мафу спросил с легкой насмешкой в голосе:

– Это подземный демон в него камнем швырнул, полагаешь ты?

– А то кто же!

– Просто камень скатился. А у нас бывало это не раз.

Лю Пи презрительно пожал плечами и продолжал:

– Он сильно поплатился: ему раздробило всю ступню, так что мы его на веревках вытаскивали наверх. Долго болел и остался хромой, больше в шахты не лазил, у надзирателя на мельнице ишаков погонял, да через два года и умер.

– Но самого демона, который камень бросил, ты ведь не видел, – настаивал Мафу.

– Они скрываются от человеческого глаза. Говорят, что только тот рудокоп, которому суждено погибнуть в шахте, перед самой смертью видит демона. Но мне все-таки случилось видеть одного, и именно в тот час, когда мне грозила смертельная опасность.

Лю Пи замолк, словно вспоминая минувшее или прислушиваясь к звукам, доносившимся в фанзу. Хый-фын бушевал по-прежнему, потрясая стены, бросая по крыше камешки, вздувая бумагу между прижимавшими ее кирками. Дверь по временам вздрагивала и потрескивала от напора ветра, а в остывшей трубе пронзительно гудело. Маленькое пламя масляной лампы колебалось, так как струйки воздуха с пылью прорывались то в щель двери, то из-под крыши, являвшейся одновременно и потолком. Рудокопы сидели, скрестив ноги, друг возле друга, вокруг лампочки, старшие с одной стороны, мальчики с другой. Их смуглые лица, выпачканные рудничной пылью и копотью, а у мальчиков сажей, еле освещались колеблющимся огоньком.

¹⁰ Ли – китайская мера длины, равная 576 метрам.

¹¹ Размах – мера длины, равная расстоянию между концами пальцев широко раскинутых рук человека.

Лю Пи набил, закурил трубку и начал полусшепотом, как и прежде:

– Случилось это в рудниках Ван-Чжу-Ван-цзе, что на берегу Дарбуты-речки. Я был еще молод и нанялся в ру-доносы, потому что сам не умел ковырять жилу. Наш отвод был высоко на горе и шахта очень глубокая, размахов пятьдесят, а воды в ней еще не было. Мой хозяин работал ее уже пятый год, все вглубь по хорошему золоту. Руду приходилось носить по шахте вверх, а потом по горе вниз, к речке, возле которой стоял поселок. Там фанзу не всегда ставят на самом отводе, как в других местах, потому что У речки лучше: и вода тут же, и мельница, и жить приятнее. Но там я выбивался из сил при носке руды, потому что мне пришлось носить ее вверх и далеко вниз, а потом опять лезть на гору, и так все время вверх – вниз, вверх – вниз. Я был один рудонос, а работали в шахте двое, и я еле поспевал уносить то, что они наковыряют. Отдыхать мне почти не приходилось, как ишаку на мельнице.

Носил я руду уже два месяца, дорогу знал – хоть ночью иди, не собьешься. А случился такой грех: задумался я что ли или воздушные демоны сбили меня с дороги, – хый-фын дул тогда сильный и глаза песком заносило, – но, идя в гору с пустой корзиной, я свернул со своей тропы и попал к чужой шахте. А шахты там, как везде, родные сестры: одна, как другая, только присмотревшись, отличишь свою. Я же не думал, что сбился, и полез себе в шахту. Лезу, лезу, удивляюсь только, что ступеньки как будто не на месте, не там, где нога привыкла их находить. «Это от усталости, – думаю, – ноги ослабели», потому дело было под вечер и лез я в шахту в последний раз.

Спустился я на двадцать размахов, пока не стало совсем темно, и начал шарить в том месте, где всегда оставлял свою лампочку, идя вверх. «Куда она пропала? – думаю. – И что теперь делать?» Лезть вниз в темноте – боюсь. Лезть наверх – хозяин из жалованья вычтет за последнюю корзину. Да и лампочку во что бы то ни стало нужно найти. Опять пошарил, рассердился. «Неужели, – сказал я, – подземный демон ее утащил, мне на горе?»

Только я это сказал, совсем не громко, и осмотрелся, а внизу из темноты на меня два глаза глядят, большие, круглые и светятся, как лампочки. Я обомлел. «Это, наверно, сам демон, который стащил лампу, – думаю, – бежать надо!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.